

Копия

Зам Военного прокурора ЛЕНВО
Полковнику юстиции
т.Малюхину

Рузова С.С.

ЗАЯВЛЕНИЕ

На № 0355-42 от 13 марта 1954 г. сообщаю следующее:

Если рассматривать мое дело с формальной стороны, то другого ответа ждать и не приходится. Но как я уже указывал в своем прошении на имя председателя Совета Министров СССР т.Маленкова Г.М. от 2/XII-53 г., мои показания, подтверждающие оговор, были вызваны желанием избежать тягот следственного периода и конечно было бы с моей стороны непоследовательным отказаться на суде от своих показаний. Я прекрасно понимал, что это повлечет за собой переследствие. Снова тяготы следствия, снова оклики, брань, мат и пр. со стороны ст. следоват. Кружкова, который перед каждым допросом меня другим следователем вызывал к себе и делал соответствующее внушение.

Если вы внимательно изучили дело, то обратили внимание, что я оговорен и на следствии упоминаюсь только одним проф. Розе.

В лагере в 1942 г. я познакомился с бывшим директором гидротехнического ин-та, инженером гидротехником Папковым, осужденным по другому делу. Он рассказал мне, что сидел в одной камере с Розе, умершим до суда от рожистого воспаления и перед смертью говорившего ему о том, что он меня, как и многих других, оговорил. Что касается суда, то и на нем все время присутствовал старший следователь Кружков, который в перерывах заседания, будучи недоволен моими репликами, неоднократно указывал мне, что ему не нравится мое поведение, т.е. и на суде продолжал оказывать на меня давление. Ведь в период суда и следствия я находился в болезненно-безразличном состоянии. Только тот, кто пережил блокаду, может понять, как совершенно измотанный голодом и бомбежками организм терял всякую сопротивляемость. Человек становился совершенно безразличен к своей жизни и желал только покоя. Теперь, когда мое здоровье восстановлено и когда я отбыл наложенное на меня судом наказание, я категорически отказываюсь от своих нелепых показаний.

Я обвинялся на основании только своих показаний, путем угроз и иных незаконных мер принуждения. Передовая статья газеты «Правда» от 6 апр. 1953 г. классифицирует действия следователя по принуждению обвиняемого к даче показаний, как «недопустимые и строжайше запрещенные советскими законами». Вопреки всему этому, следствие применило ко мне преступные методы став на путь угроз, окликов, «мама» и пр. с целью добиться от меня требуемых им ложных показаний.

Однако, я полагаю, что проверяя в порядке надзора, в условиях сегодняшнего дня, мое дело, прокуратура должна подходить к оценке моего «признания» на суде с общих позиций теории и практики Советского уголовного процесса о доказательной силе признания обвиняемого на суде.

Как известно, сознание обвиняемого на суде вовсе не является наиболее авторитетным доказательством. Оно носит условный характер и может рассматриваться как один из видов доказательств только, если оно подкрепляется имеющимися в деле объективными материалами. Ведь обвиняемый может пойти

на самооговор по различным причинам, а в том числе и по причине душевной подавленности, под влиянием блокады, следствия и пр.

Суд обязан поэтому критически подходить к признанию обвиняемого, кладя его в основу приговора только в том случае, если оно подтверждается и подкрепляется всей совокупностью собранных по делу объективных материалов.

Если же кроме голого признания ничего нет и к тому же известна обстановка, при которой это «признание» было дано – органы надзора могут прийти только к одному единственному выводу – о незаконности обвинения и необходимости поэтому прекращения дела.

В данном случае дело так именно и обстоит. Ведь кроме моего вынужденного самооговора ничего в деле нет.

А потому прошу Вас пересмотреть свою резолюцию и еще раз проверить дело с точки зрения изложенных мною выше фактов и соображений на предмет его прекращения и моей полной реабилитации.

25–III–54 г.

Рузов

жалоба отправлена авиа 2/III 54

и вручена Ленинградской прокуратуре 6/IV 54.